

Некоторые высказывания и случаи жизни святого митрополита Московского и Коломенского Филарета Дроздова, актуальные для сегодняшнего дня

Жизнь митрополита Филарета один из его биографов назвал священной эпопеей, и она действительно была таковой, как по гармонической стройности пройденного пути, так и по почти невероятному количеству свершенных дел.

Постараемся прикоснуться к некоторым чертам лика, жизни, жития святителя, которые являются актуальными и до нынешнего времени, сделав это в форме, которая не противоречит тем жанровым предпочтениям, которые в своей жизни, в своем творчестве выбирал святитель Филарет. Мы знаем, что среди прочих жанров богословской литературы, которые он практиковал, был и жанр диалога. Собственно, в диалоге написан всем нам известный классический его труд «Пространный катехизис Православной Церкви». Есть у него и другие богословские сочинения, трактаты, написанные в диалогической форме. Это подвигло к мысли построить сообщение в форме некоторого внутреннего диалога.

На вопрос: «Что есть государство?» святитель отвечает следующим определением: «...государство есть «союз свободных нравственных существ, соединившихся между собою с пожертвованием частию своей свободы для охранения и утверждения общими силами закона нравственности, который составляет необходимость их бытия».¹

Эта формула содержит ряд важных тезисов: во-первых, московский святитель определяет государство как «союз»; во-вторых, он именует участников этого союза «свободными», подразумевая не только внутреннюю, нравственную свободу, но и некоторую свободу внешнюю, дающую возможность осознанного пребывания в союзе; в-третьих, жертвование частью свободы свидетельствует о наличии верховной власти и необходимости подчинения; в-четвертых, подчеркивается общность интересов участников государственного союза, их единство; и, наконец, формулируется та основная задача, которую призвано выполнять государство – утверждение закона нравственности.²

Для святителя Филарета это есть высший закон, освящающий государственную жизнь, сообщающий дух гражданским законам, которые «суть не что иное, как примененные к особнным случаям истолкования сего <нравственного> закона, и ограды, поставленные против его нарушения».³

¹ Собрание мнений и отзывов. Т. Дополн. С. 8.

² Панская Юлия Николаевна. Общественно-политические взгляды митрополита Московского Филарета (Дроздова): проблемы теории и практики: дис. ... канд. исторических наук. – Коломна, 2008. – С. 39-40.

³ Сочинения, т. 5. С. 392-393.

Следующий вопрос, который в нынешнем контексте, естественно, прозвучал бы: «Нынешняя демократическая представительская государственность не является наиболее прогрессивным, лучшим видом отношений, к которому Россия должна прийти, отказавшись от некоего своего третьего пути, от некоторых реставрационных иллюзий о том, что было в XVIII, XIX и прошлом столетиях?»

И слышим ответ святителя Филарета: «Бог по образу Своего небесного Единначалия устроил на земле царя, по образу Своего Вседержительства – царя самодержавного, по образу Своего Царства непреходящего, продолжающегося от века и до века – царя наследственного. О, если бы все цари земные довольно внимали своему небесному достоинству и к положенным на них чертам образа Небесного верно присоединяли требуемые от них Богоподобные правду и благость, небесную недремленность, чистоту мыслей, святость намерений и действий. О, если бы все народы довольно разумели небесные достоинства царя и устройство царства земного по образу Небесного и постоянно себя ознаменовывали чертами того же образа: благоговением и любовью к царю, смиренным послушанием его законам и повелениям и взаимным согласием и единодушием и удаляли от себя все, чему нет образа на Небесах: превозношение, раздор, своеволие, своекорыстие и всякое зло мысли, намерения и действия. Те царства земные были бы достойным преддверием Царства Небесного. Россия, ты имеешь участие в сем благе паче многих царств и народов! Держи, еже имаши, да никтоже примет венца твоего!»¹

Но задается следующий вопрос святителю Филарету: «Но это – абстрактная характеристика монархической государственности, все нужно познать в сопоставлении. Неужели не лучше этого представительские, демократические органы, неужели выражение мнения народа не в преимуществе перед властью одного, при этом властью наследственной?»

Ответ: «У некоторых народов в наши времена о государственном устройстве, об отношениях между предрержащей властью и подданными столько споров и распрей, что от них все общественные связи трещат, все столпы политических зданий колеблются. Пусть бы они прочитали у нас, русских, явственнее в сердцах, чем на хартиях написанное краткое, но всеобъемлющее постановление государственное, которое заключается в следующих словах: “Святость власти и союз любви между государем и народом”. Правительство же, не огражденное свято почитаемую от сего народа неприкосновенностью, не может действовать и всюю полнотою силы, и всюю свободой ревности, потребной для устройства и охранения общественного блага и безопасности. Как может оно развить всю силу свою в самом благодетельном ее направлении, когда его сила непрестанно находится в ненадежной борьбе с другими силами, пресекающими ее действие в столь многообразных направлениях, сколько есть мнений, предубеждений и страстей, более или менее господствующих в обществе? Как может оно предаться всей своей ревности, когда оно по необходимости должно делить все свое внимание между попечением о благосостоянии общества и между заботой о собственной своей безопасности? Но если так нетвердо правительство, нетвердо так же и государство. Такое государство подобно городу, построенному на огнедышащей горе. Что значат его твердыни, когда под ними кроется сила, которая может каждую минуту все превратить в развалины?»²

¹ Панская, цит. соч. С. 53.

² Сочинения. Т.2. С.10-11

Действительно, такая постановка вопроса о демократической и иных видах государственности неоднократно звучала из уст святителя Филарета тогда, когда Россия имела иной вид государственного устройства.

Из подхода святителя видно, что принцип повиновения государственной власти имеет общее значение, и поэтому отказ в этом повиновении со стороны христиан как граждан на основании того, что власть предержавшие не исповедуют их веры или даже враждебны ей, никогда не может считаться нормой. В случаях, когда государственная власть поступает несогласно с нравственными требованиями, Церковь имеет обязанность и право протестовать и повлиять на государственную власть, чтобы она оставила губительное направление; но государственная власть как может принять, так может и отвергнуть влияние Церкви и действовать совершенно самостоятельно, а Церковь должна удовлетвориться тем, что исполнила свой долг, и терпеливо переносить действие закона, нарушающего вечную правду, пока ненормальное состояние продолжается в государстве (будь то три века в Империи древней или семь десятилетий в стране Советской).

Для святителя вообще очень важна идея повиновения в ее связи с идеей христианской свободы. Новозаветный фундамент идеи повиновения представлен в следующих словах святого апостола Петра: «Итак, будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа: Царю ли, как верховной власти, правителям ли, как от него посылаемым для наказания преступников и для поощрения делающих добро» (1 Петр. 2:13,14). Исходя из этого текста, святитель Филарет подробно развивает идею повиновения как гражданской обязанности, которая применима в любых исторических условиях.

И в настоящее время, полагает святитель, заповедь повиновения начальству не утратила высшего смысла и практической необходимости, поскольку ее соблюдение обеспечивает любому обществу наличие порядка и безопасности – основ существования самого общества – и напоминает содержащие идею целесообразности повиновения слова апостола Петра о том, что начальники посылаются «для наказания преступников и для поощрения делающих добро». Отсюда святитель выводит несколько родов повиновения: 1) корыстное, связанное с использованием охранной функции власти; 2) рабское, из страха перед ее репрессивным аппаратом; 3) честолюбивое, нацеленное на получение поощрений и наград. Митрополит Московский отмечает общее достоинство этих родов повиновения – они лучше неповиновения. Более того, все они могут послужить орудием против «искушения неповиновения».¹

Одновременно святитель обращает внимание на изначальное несовершенство чисто рационального обоснования необходимости подчинения властям, заключающееся в отсутствии чистой добродетели. «Совершеннейший» род повиновения имеет природу чистой добродетели, которая восходит к самостоятельной Божественной Истине, святитель находит в следующих словах апостола: «Будьте покорны... для Господа».

Господь – Творец и Спаситель – хочет творить добро человеческому обществу через «самое простое средство – через повиновение». Поэтому подчиняться всякому человеческому начальству необходимо, прежде всего, по вере в Господа, «по любви к Нему, из повиновения Ему».² Полным и беспрекословным должно

¹ Сочинения. Т. 3. С.446-447.

² Сочинения. Т. 3. С.450.

быть повиновение ради «Господа Всемогущего и Правосудного», который не оставит без наказания противящихся Его воле; искренним ради «Господа Сердцеведца», видящего и осуждающего любые дела и даже помыслы ропота и неповиновения; с надеждой ради «Господа Премудрого и Всеблагого Промыслителя», который непрестанно ведет человечество к единой цели спасения; и с любовью ради «Господа, которого царство есть царство любви на небесах и в душах человеческих».¹ Такое содержательное наполнение имеет истинно христианское повиновение, «всегда удовлетворительное для власти и всегда блаженное для повинующихся».² Оно чисто, твердо и совершенно и не зависит от выгод, похвал или страха, так как для него Высший Судья – Господь, который «оком любви взирает на... повиновение, и оком гнева воззрел бы на неповиновение».³

Но может быть задан следующий вопрос: «Абсолютны ли пределы такого рода повиновения?»

Ответ святителя Филарета: «Заповедь Господня не говорит: “Восставайте противу предержавших властей”, ибо подвластные и сами могут понимать, что, разрушая власть, разрушают весь состав общества и, следовательно, разрушают самих себя. Заповедь говорит: “Не прикасайтесь” – даже так, как прикасаются к чему-либо без усилия, без намерения, по легкословию, по неосторожности, ибо случается нередко, что в сем неприметно погрешают. Когда власть налагает на подданных некое бремя, хотя и легкое, необходимое, как у них возбуждается ропот! Когда подвластные видят несогласное с их образом понятия, как стремительно несутся из уст их слова осуждения! Как часто необученная послушанию мысль подчиненного нечистым прикосновением касается самих намерений власти и налагает на них собственную нечистоту! Клеврет мой, кто дал тебе власть над твоими владыками?»⁴

Развивая далее идею повиновения, Филарет останавливается на евангельской интерпретации понятия свободы. Апостол, говорит святитель, учит не только повиновению властям, но и свободе: «Будьте покорны всякому человеческому начальству... как свободные» (1Петр. 2:13,16). Повиновение и свобода как принципы существования представляются, на первый взгляд, несовместимыми, поскольку действуют в противоположных направлениях: свобода стремится к расширению человеческой деятельности, а повиновение предполагает ее ограничение. Такое противоречие находит свое разрешение в христианском отделении внутреннего человека от внешнего, внутреннего состояния свободы и рабства от внешнего. Нехристианская трактовка свободы, по словам Филарета, подразумевает «способность и невозбранность делать все, что хочешь», и это есть «беззаконная и пагубная мечта».⁵

Обратной стороной внешней свободы, как правило, оказывается внутреннее рабство. По наблюдению святителя, человеческие общества, попавшие во внутреннее, нравственное рабство к страстям, грехам и порокам, стремятся к расширению внешней свободы «перед законом и властью». Поэтому благословенны «закон и власть», которые ограничивают такую свободу, способствующую рас-

¹ Сочинения. Т.4. С. 35.

² Там же. С. 35.

³ Там же. С. 35.

⁴ Государственное учение митрополита Филарета / Сост. В[ладимир] Н[азарьевский]. М, 1885. С.22

⁵ Сочинения. Т. 5. С. 128.

пространению нравственного рабства. Что же касается истинной, христианской свободы, то святитель определяет её как «деятельную способность человека, не поработенного греху, не тяготимого осуждающею совестью, избирать лучшее при свете истины Божией, и приводить оное в действие при помощи благодатной силы Божией».¹ Источник такого определения святитель находит в Евангелии: «Если пребудете в Слове Моем, то вы истинно Мои ученики, и познаете истину, и истина сделает вас свободными» (Ин. 8:31,32).

«Христианин имеет возможность делать сознательный, свободный нравственный выбор в пользу добродетели. Такая внутренняя, духовная свобода всегда «благоделующа», «не мятежна», она одинакова, – подчеркивает святитель Филарет, – для жителя хижины и дома «вельможного» или царского, она уравнивает власть имущего и подвластного в возможности ей пользоваться. Как показывает пример христианских мучеников, эту свободу нельзя уничтожить «и в узах, и в темнице». Будучи ограничена только Божией волей и стремясь к её исполнению, она не старается разрушить человеческие законы, так как видит в них Божественную истину, а власть чтит как поставленную от Бога».² Это понимание свободы не противоречит принципу повиновения, поскольку христианская свобода «сама того хочет, чего требует повиновение».³

Особенно резко святитель Филарет высказывается об идее народовластия: «Из мысли о народе выработали идол: и не хотят понять даже той очевидности, что для столь огромного идола неостанет никаких жертв». В результате, место «законной и благотворной» царской власти занимает «дикая сила своевольных скопищ», что грозит нестабильностью, поглощением учреждений, законов, порядка, общественной безопасности.⁴

«Что же, неужели в таком случае участие в гражданской жизни, участие в выборах не имеет никакого смысла?» – спросим мы.

«Нет, не так, – отвечает святитель Филарет. – И за выборы, за каждый отданный нами голос в пользу, казалось бы, далеких от нас людей, несет христианин ответственность. Если (чего я не предполагаю быть на деле среди христиан, но что говорю по ходу предостережения) вы не употребите всего, какое возможно, внимания и попечения, чтобы открыть, привлечь и избрать в общественные должности людей самых достойных и благонадежных, если вы будете подавать избирательные голоса в пользу одного – потому что он очень желает избрания, в пользу другого – потому что он добрый знакомый, в пользу третьего – потому что надобно же кому-то хотя бы быть избранным и так далее, а меж тем недовольно будете вникать в то, имеет ли избираемый способности и сведения, потребные для дел, к которым избирается, и ручаются ли прежде известные его правила и деяния за то, что он согласно с пользой общественной проходить будет служение, которое вы хотите вверить ему, если потом вследствие столь невнимательного, небеспристрастного избрания избранный вами служитель правосудия возметет правду и суд, станет оправдывать неправдой богатых и сильных и не будет внимать суду вдовиц и сирых, блюститель земского порядка и спокойствия вместо того, чтобы облегчать и разрешать затруднения смиренных, сделается

¹ Сочинения. Т. 5. С. 130-131.

² Панская, цит. соч. С. 53.

³ Сочинения. Т. 5. С.131.

⁴ Сочинения. Т. 4. С. 558-559.

для них ярмом связующим и гнетущим, вождь ваших наследственно почтенных сонмов окажется не столь прямым и твердым на путях своих, если такие и большие сих неправильности и грехи откроются в избранных вами вследствие невнимательного или небеспристрастного избрания, то позвольте вам сказать прежде, нежели сие случилось, что в таком случае ваши гладкие избирательные шары превращаются в руках ваших в острые стрелы, которые уязвят общественное благосостояние и обратятся уязвить вашу совесть, спокойную, может быть, во время производства избрания, но такую же невнимательную в отношении к себе, как и в отношении к другим».¹

Но следующий вопрос, который может быть задан: «А каковы в таком случае могут и должны быть отношения Церкви и государства? Не есть ли все русское Православие только здание, построенное на поддержке государства? Не есть ли все, созданное Русской Церковью, созданное только потому, что ни у одной другой конфессии, ни у одной другой религии не было таких возможностей на протяжении тысячи лет, как у Православия?»

Прежде всего отметим, что возникновение и существование самого института Церкви святитель Филарет вполне определенно отделяет от созидательных действий государственной власти. «В течение трех столетий, – указывает он, – Христова Церковь не пользовалась помощью человеческого царства и даже подвергалась с его стороны тяжелым гонениям. С самого своего рождения Церковь столкнулась с царями, которые были её разрушителями». По образному выражению святителя, «млеко учения Христова», питая людей, невидимо обращалось в них в кровь жизни бессмертной, но в видимой жизни пастырей и пасомых, «питающих» и «питаемых», часто становилась кровью мученичества».²

И далее святитель раскрывает тайну такого попущения: «Надлежало Церкви Христовой являться беспомощною, дабы очевидно было, что она зиждется, утверждается и возвышается не человеческою, а Божиею силою».³ Основание этому святитель Филарет находит в апостольском слове: «немогшая мира избра Бог, да посрамит крепкая, – да не похвалится всяка плоть пред Богом» (1Кор. 1:27,29). В другой проповеди святитель называет мысль о том, что Церковь Божиею вырастила и укрепила человеческая сила «вредной клеветой последних времен».

Для православного государства, руководимого православным правительством, святитель так определяет идеальную форму взаимоотношений с Православной Церковью: «единство и гармония» (или «союз»). Причем, в союзе скорее нуждается государство, чем Церковь, московский иерарх находит его (союз) «благоприятным для спокойствия Церкви», и «существенно важным для блага и прочности государства».⁴ «Политической организации, какой является государство, и гражданской власти необходим прочный религиозно-нравственный стержень, который удержит их на пути добродетели и сделает угодными Богу. Церковь же, как Богом установленное общество, которое даже «врата адовы не одолеют», может существовать и без поддержки мирской власти: «Благо и благословение Царю, покровителю Алтаря; но не боится Алтарь падения и без сего покровительства». Следует отметить, что сама возможность существования

¹ Филарета митрополита Московского и Коломенского Творения. М. 1994. С. 261-262.

² Сочинения. Т.2. С. 337.

³ Сочинения. Т. 3. С.42.

⁴ Собр. мнений и отзывов. Т.5. 4.2. С.556.

союза вытекает из признания Церкви и государства двумя отдельными организациями, самостоятельными учреждениями. «Что касается взаимной пользы для Церкви и государства в рамках союза, то она, безусловно, существует, но не является ни основополагающей, ни целеопределяющей в их взаимоотношениях. Такой взгляд мог бы сузить идею союза до низкого поиска взаимных выгод».¹ Христианин как гражданин государства повинуетя государственному закону, а священник проповедует почтение к властям, «но не по праву взаимности, а по чистой обязанности, если бы то случилось, и без надежды взаимности».²

Когда это требовалось, святитель и в непростое николаевское правление отстаивал внутреннюю свободу Церкви. Не сообразуясь с духом эпохи, святитель решительно и недвусмысленно напоминал о внутренней независимости Церкви. Показательна в этом смысле история, связанная с освящением Триумфальных ворот в Москве. Воздвигнутые в честь победы в войне с Наполеоном, ворота среди прочего были украшены изображениями некоторых из языческих богов. Император Николай Павлович решил лично присутствовать на открытии и освящении Триумфальных ворот. Когда флигель-адъютант Государя приехал к митрополиту Филарету и объяснил ему, что «Государю Императору благоугодно завтра освятить Триумфальные ворота», Филарет, устремив взор долу, отвечал: «Слышу». Флигель-адъютант продолжал: «Государю Императору благоугодно, чтобы ваше высокопреосвященство сами изволили быть на освящении». Святитель отвечал тем же «слышу», так же понурив голову и с тою же задумчивостью. «Не будет ли каких распоряжений, ваше высокопреосвященство? Что прикажете доложить Государю Императору?» – «А что слышите», – отвечал тем же тоном владыка. Когда Государь спросил: «А что Филарет?» – флигель-адъютант доложил, что он его не понял, и дословно передал Императору свой разговор с высокопреосвященным. «А, так я понимаю, – заметил Государь. – Приготовить лошадей: я сегодня уезжаю». Таким образом, открытие происходило в отсутствие Государя и митрополита. Полковой священник отслужил молебен, и участие Церкви в этом торжестве тем и кончилось. Поэтому неудивительно, что с 1841 года и до конца жизни, оставаясь по титулу членом Синода, митрополит Филарет ни разу не приглашался принять участие в его заседаниях в Петербурге.

Есть и еще одна власть в каждом обществе, вне зависимости даже от формы его гражданского устройства – власть судебная, власть закона. Может быть, общество, вне зависимости от его нравственных норм, вне зависимости от иных критериев, будет крепко стоять, если в нем будет крепко утверждена законность, если суд будет прав и закон будет основанием всего?

Ответ: «Суд есть ограда собственности и личной безопасности, а судья есть страж сей ограды. Без суда всякая земля была бы, как некогда земля Ханаанская, землю, поедающею живущее на ней. Не было бы другой собственности кроме добычи хищника, до которой не достигала рука другого хищника. Не было бы другой безопасности кроме безопасности вооруженного и бодрствующего воина или безопасности сильного притеснителя, доколе они не встретятся с сильнейшим. Но что крепкая ограда, если страж ее ненадежен? Что и укрепленный законами суд, если в нем действует недостойный судья? Правда, закон поставлен не только для подсудимых, но и для судьи, дабы вразумлять его и управлять им, но

¹ Панская. Цит. соч. С. 87.

² Сочинения, том 4. С.203.

мудрость и справедливость закона суть заключенные сокровища, если не отверзутся мудростью и справедливостью очи судьи. Закон подчинен необходимости и не может подвигнуться, чтобы удержать при себе судью, но судья – свободен и может уклониться от закона. Как искусный ловец и хитрых зверей уловляет, и поражает сильных, и приводит в безопасность кроткое стадо, так искусный судья, простирая мудрую сеть законного изыскания и действуя силой законов, и уловляет коварных, и низлагает дерзких преступников, и приводит в безопасность добрых граждан. А у неискусного или невинные увязают в сети, простираемые для виновных, или же виновные расторгают ее. Судья справедливый, изъясняя закон с совестью, делает добро и невинному, которого оправдывает, и виновному, которого осуждает, пресекая для одного зло, которое он претерпевал, в другом – еще более существенное зло, которое он делал. А судья несправедливый бедственнейшим образом умножает зло, которое должен истреблять или хотя бы уменьшать».

«Но что же все говорить только о государстве? Как мы знаем, есть в современном обществе и другие представительские институты. Одним из важных таковых институтов является «четвертая власть», или власть прессы, которая ныне едва ли не мощнее всех остальных властей. Гласность, обличение, критика – могут ли быть они основой для устроения общества?», – может возникнуть вопрос.

Ответ будет следующим: «Близ пути слово правды. Особенно приметны два распутия: на одной стороне лъсть, на другой – злоречие. Один говорит: “Надобно с ближними обращаться приятным для них образом, особенно с высшими”. И вследствие сего льстит. Другой говорит: “Надобно черное называть черным”, и под этим предлогом предается злоречию. Ни тот, ни другой не на правом пути. Оба на распутиях, которые не ведут к добру. Злоречие, которым некоторые думают исправлять зло, неверное для этого врачевство. Зло не исправляется злом, а добром. Как загрязненную одежду нельзя чисто вымыть грязной водой, так описаниями порока, столь же нечистыми и смрадными, как он сам, нельзя очистить людей от порока. Умножение пред глазами народа изображений порока и преступлений уменьшает ужас преступления и отвращение от порока. И порочный при виде таких изображений говорит: “Не я один, таких много – не очень стыдно”. Укажите на темный образ порока, не терзая чувства и не оскорбляя вкуса чрезмерным изображением его гнусности, а с другой стороны изобразите добродетель в ее неподдельной истине, в ее чистом свете, в ее непоколебимой твердости, в ее чудной красоте. Открывать и обличать недостатки легче, нежели исправлять. Несчастье нашего времени – то, что количество погрешностей и неосторожностей, накопленное не одним уже веком, едва ли не превышает силы и средства исправления. Посему необходимо восставать не вдруг противу всех недостатков, но в особенности против более вредных, и предлагать средства исправления не вдруг все потребные, но сперва преимущественно и потребные, и возможные. Усиленное стремление к преобразованиям не ограничено. Но неопытная свобода слова и гласность произвели столько разнообразных воззрений на предметы, что трудно между ними найти и отделить лучшее и привести разногласие к согласию. Было бы осторожнее как можно менее колебать то, что стоит твердо, чтобы перестроение не обратило в разрушение. Бог да просветит тех, кому суждено из разнообразия мнений извлечь твердую истину».¹

¹ Сочинения. Т.5. С. 453-454.

Другие значимые составляющие современного общественного сознания – литература, театр, кино, – все то, что в прошлые века назвали бы «позорищными зрелищами» в корректном христианском смысле этого слова, то есть то, на что можно посмотреть публично. Каково направление этих искусств? Какую оценку по отношению к ним мы можем услышать из уст святителя Филарета?

И вот каков ответ на эти совокупные вопросы: «Нельзя не видеть противоположных печальных явлений, и преступно было бы молчать о них. Литература, зрелища, вино губительно действуют на общественную нравственность. Чрезмерно размноженные светские повременные издания, усиленно распространяемые в народе, неблагоприятно действуют даже тем, что возбуждают и питают не столько истинную любознательность, сколько бесплодное любопытство, дают много чтения приятного и занимательного, но мало назидательного, доставляют познания отрывочные, смешанные, сбивчивые, но с тем вместе поглощают внимание и время, отвлекают от чтения книг основательных, делают умы поверхностными и ленивыми для глубоких размышлений о важнейших предметах знания. Такое направление литературы вредно для религиозной, нравственной и гражданской жизни общества... О том, до какой степени чужды нравственности и вредны зрелища, духовенство может судить по чужим отзывам, ибо само их не видит, и внимает им с осторожностью, чтобы не произнести суда неправильного или излишне строгого. Но если начальство зрелищ, не зирая на неудовольствия здраво и основательно мыслящей части общества, для денежных выгод, рассчитанных на поползновенных к нечистым удовольствиям людей, станет повторять подобные зрелища и сильнее введет через них бесстыдство и растление в нравы, то правительство православно-христианское будет ли свободно от ответственности за сие пред Богом? Во Франции подобные зрелища возбудили против себя некоторые меры правительственные, но там сии меры, как поздние, уже недействительны. Надобно ли подачкою злу воздвигать препятствия к преспеянию добра, чтобы потом входить в позднюю с ними борьбу? Не лучше ли предупредить возникающее зло?»¹

Если проблемой для образованных сословий являются указанные зрелища, указанные развлечения, то проблемой русского общества как XIX, XX, так и начала XXI столетия является куда как более грубое явление – массовое винопитие. Как святитель Филарет отзывался об этом феномене нашей общественной жизни?

«Меж тем как зло от литературы и зрелищ действует более на высшие и средние классы общества, дешевое вино губит низший класс народа. Места продаж так размножились, что в некоторых городах на десять или одиннадцать домов приходится по питейному заведению. Дешевизна и удобство приобретения вина ведет к тому, что не мужской только пол, но и женский, не возрастные только, но и малолетние упиваются вином. Многие дома и души у поселян вконец разорены. Пьянство, вошедшее в привычку, требует себе постоянных новых пожертвований и лишает человека и способов к жизни, и способности к труду, свертывает людей в нищету, праздность, пороки и преступления. К Церкви менее прилежности, менее благоговения к святыне и уважения к духовенству. В один прошедший год многие из народа понизились в нравственности так, что, не видя, трудно поверить их упадку, но зло-то растет, и благонамеренным трудно

¹ Бежанидзе Г. В. «О епархиальном отчете митрополита Филарета (Дроздова) за 1863 г.» // Филаретовский альманах, вып. 10. М., 2014. С. 17 – 18.

будет устоять, если государственные чиновники будут настоятельно убеждать к открытию кабаков, как это в некоторых местах замечено. Если в преследовании финансовых видов недовольно обращается внимание на нравственность народа – это невыгодный расчет. Лучшее богатство государства и самая твердая опора Престола – христианская нравственность народа».¹

Еще один вопрос, связанный с хранением языкового единства русского общества: «Мы знаем, что совсем недавно был поставлен вопрос о необходимости возвращения единого алфавита – кириллицы – для всех населяющих Российскую Федерацию народов. И мы знаем, как этот вопрос вызвал противодействие, как иные стали требовать, чтобы для их народов, для их языков были сохранены иные, основанные на латинице алфавиты. Что говорил святитель Филарет о достоинстве русского языка и о необходимости его близости с языком церковным?»

«С некоторого времени в области русского слова распространяется род безначалия, невнимания к принятым прежде правилам, неуважение к признанным прежде образцам. Под видом народности и общепонятности развивается направление не к народности – чистой, благородной, правильной, но к простонародности – смешанной, низкой, бесправильной. Как одного из вредных последствий сего направления, если не удастся исправить оно, надлежит опасаться того, что язык под пером писателей, а затем и в устах народа быстро уклоняться будет от славянского церковного наречия, что прекрасный, сильный, проникнутый духом христианского учения церковный богослужебный язык делается, наконец, вовсе непонятен присутствующим при богослужении. Если государство по справедливости заботится о том, чтобы язык государства возмогал над языками разноплеменных подданных, менее ли заслуживает заботы то, чтобы язык Церкви не сделался наконец языком чужестранным через своенравное, нимало не нужное от него удаления языка народного».

Ну и, наконец, единство славянских народов, которого лучшие представители Отечества нашего чаяли во все века. Единство, которое мыслится как некоторый идеал, но которое и ныне удаляется, покрывается как бы облаками дальней дымки. «Что о единстве всех единокровных и единокровных славян сказал во время подобно святитель Филарет?»

«Имею неожиданное утешение приветствовать вождельных гостей и братий, которых вижу в Москве. Благословит Бог и Господь наш Иисус Христос, посетивший и посещающий бедственно разделенное человечество, направляющий оное к единому спасению и спасительному единству. Славяне и славянороссы – род един, но его начало затемнено временем, движением дел человеческих разделены отрасли его, это разделение неблагоприятно было единству языка его. Бог воздвиг двух святых братьев по плоти и по духу, которые сделались отцами нашими по духу, родив нас Благовествованием Христовым, наше естественное братство обновил и возвысил духовно. Нет сомнения, что любовь родственная усовершенствована и укреплена любовью христианской. Единство духа и языка охранено тем, что язык славянский сделался языком веры и Церкви. Мы, россияне, наследовали сей дар Божий от старейших христианских братий наших и не престаем быть благодарны. Состраждем скорбям, сорадуемся надеждам братий наших и сквозь разделение зрим к единству. И вот нечаянный случай из отдаленных стран подымлет ревни-

¹ Там же. С. 19 – 20.

телей славянского братства и соединяет их в средоточии русского единства, чтобы непосредственно из сердца в сердце излить братское чувство и, вопреки внешним разделениям, сойтись в живом внутреннем единении».

Приведу еще один пример, который относится непосредственно к стенам духовного учебного заведения. Во время одной из инспекций святителю Филарету задали вопрос по содержанию одного из богословских предметов, на что он ответил достаточно прямо: «Если бы предо мной был выбор: идти на каторгу или слушать эти лекции, я, несомненно, предпочел бы идти на каторгу».¹ Ответ, несомненно, заметно способствовал улучшению этой богословской дисциплины, и при следующих визитациях подобные характеристики к ней уже не прилагались.

В заключение нельзя не коснуться и темы видения святителем будущего России. В последние годы его жизни, когда наступили годы бурного развития России и коренных реформ, в публичных проповедях святого митрополита Московского не встречалось обобщенного понятия враждебного «Запада», вместе с тем он продолжал подчеркивать превосходство православной самодержавной России перед «шатающимися языцами» Европы. Но в частных беседах митрополит неоднократно выражал предощущение катастрофы, надвигающейся на наше Отечество. Архиепископ Леонид (Краснопевков) передает слова владыки, сказанные им в конце жизни разным близким ему лицам. Например, А. Н. Муравьеву он с горечью говорил: «Когда смотрю на детей, плакать хочется, при мысли, что, бедных, их ожидает, как вырастут». Самому архиеп. Леониду за год или два до кончины святитель Филарет «с особенно сильным выражением в голосе и движением лица» сказал о будущем, в котором «он видит такую над нами тучу, что когда она разразится, люди от силы удара даже способность потерять вспомнить, что было до грозы».²

Так в последние годы жизни, под влиянием роста радикальных настроений и натиска секуляризма видение святителем Филаретом будущего России приобретает трагически пророческий характер.

Хотелось бы сказать еще об одном. Редко кто из людей может устоять и не поддаться соблазнам, когда получает от Бога щедрые дары – ум, одаренность, высокое положение, знание действительного положения вещей, а не того, которое показывают широкой общественности. Человеку бывает трудно вместить даже какой-то один из этих даров, а уж соединить в себе несколько или все вместе и не соскользнуть с правильного, срединного пути оказывается не по силам. Святитель Филарет дает нам пример того, что можно устоять и даже достигнуть святости. Можно все это иметь и остаться верным Богу, Ему служить и не поколебаться. Это для нашего времени и для многих людей, пусть неизмеримо ниже его стоящих, но что-то знающих, чем-то одаренных, какую-то остроту и пронизательность ума имеющих, удивительный пример и образ того, за кем можно и нужно идти.

Archpriest Kozlov Maxim

Some statements and cases of life of the Holy Metropolitan of Moscow and Kolomna Filaret Drozdov, relevant today

¹ Филарета митрополита Московского и Коломенского Творения. М., 1994. С. 20.

² Из воспоминаний преосвященного Леонида о Московском митрополите Филарете // Русский Архив. –1901. Кн.2. С. 523